

Ливень все еще не утих, а, наоборот, даже набрал силу, буйный ветер, сопровождаемый холодным дождем, бился о возвышающийся фасад Собора Глубин и инкрустированные окна и дверь, напоминая хаотичное сердцебиение города-государства.

На площади перед городом-государством уже закончили собираться паровые шагоходы и паровые танки, а вооруженные до зубов стражники молча перекрывали перекрестки.

На колокольне в задней части Собора была зажжена специальная жаровня, в ней пылала очищенная китовая ворвань, смешанная с кусочками древесины. Пламя горело, как маяк, указывающий кораблям путь к дому во время бури. Его усилили специальными зеркалами, поэтому его было хорошо видно даже с другого конца города-государства.

А вместе с ним такое же пламя появилось над Соборах во всех частях города—государства — даже в самых отдаленных Соборах стояла возвышающаяся колокольня, обращенная к центральному собору, и на ее вершине располагалась жаровня.

В этот ненастный день с наступлением темноты одна освещенная колокольня за другой образовывала над Прандом один сплошной маяк, и в тот момент, когда все жаровни зажглись, по всему городу-государству раздался звон колоколов и гул паровых свистков.

Котлы каждой церкви пришли в действие, колокола каждой церкви зазвонили — весь Пранд заревел, как будто сама цивилизация сопротивлялась некой невидимой силе вторжения во тьму. Это необычное обстоятельство послужило еще одной причиной для всех жителей хорошенько закрыть двери и окна, а те, кто обладал большим знанием о сверхъестественном, поняли всю серьезность ситуации по странным передвижениям стражников по всему городу.

В глубине резиденции консула Данте Уэйн, только что очнувшийся от бессознательного состояния, услышал за окном колокола и увидел в темноте «маяк». Он поднялся с помощью стоящего рядом человека, подошел к окну и поглядел, что происходило снаружи.

— Собор активировал барьер стабилизации реальности... Катастрофа уровня вторжения в реальность?!

— Мы все еще выясняем обстоятельства. — К кровати Данте подошел помощник, его голос звучал напряженно. — Все произошло внезапно, и все, что сказал Собор, это то, что все городские районы Пранда должны быть оцеплены на самом высоком уровне — в то время вы были без сознания. Епископ Валентин использовал свои чрезвычайные полномочия...

Данте никак не отреагировал на его слова. Потом он словно внезапно что-то заметил, и его брови вытянулись.

— ...Ванна вернулась.

— Мисс Ванна? Мисс Ванна не вернулась в особняк, она должна...

— Я знаю. — Данте знал, что посторонние не могли понять, что он имел в виду, поэтому он махнул рукой, его взгляд упал на помощника. — Городская стража по—прежнему подчиняется приказам властей?

— Да, епископ Валентин принял помощь только от сил шерифа и от небольшой части городской стражи, отвечающей за реагирование на чрезвычайные ситуации, — кивнул вспомогательный офицер. — Большая часть городской стражи все еще ожидает ваших приказов.

— Хорошо, за исключением первого подразделения, пусть вся городская стража подчиняется распоряжениям Собора. — Данте чувствовал, что его сознание все еще окутано пеленой. Но все же он отдал приказ. — Также весь город переходит на высший уровень военного положения. Нужно задействовать колокола, отвечающие за извещение о военном положении. После их звона рассматривать любого, кто появится на улицах... независимо от того, кто это будет, как культиста.

Этот приказ удивил помощника.

— Мистер Уэйн, это... — начал он.

— Выполняйте приказ. — Данте поднял голову, его единственный оставшийся глаз сурово взирал на помощника, а вокруг рубинового протеза выступили малейшие следы крови — Это война.

— ...Да!

Получив приказ, помощник удалился, а Данте сильно закашлялся. Прошло немало времени, прежде чем он пришел в себя и прошептал стоящему рядом с ним помощнику:

— Отвези меня в Собор.

— Мистер Уэйн, ваше здоровье...

— Мое здоровье не имеет значения, я должен сообщить епископу Валентину нечто важное.

— Да

Нина крепко вцепилась в руку Ширли, сидя за окном и робко глядя на то, что происходило снаружи: свирепый ветер и проливной дождь, в небе гремел гром, так что дверь и все окна не переставали дрожать. От этой ужасной сцены задрожала даже смелая Ширли, а затем низким голосом выругалась:

— Что за чертова погода!

— Ширли, нельзя... нельзя ругаться, — отчитала подругу Нина, несмотря на свой страх. — Дядя сказал, что ты...

— Ну-ну, я не буду ругаться, только не говори мистеру Дункану, — сказала Ширли, и тут же краем глаза вдруг заметила фигуру, появившуюся на лестнице, и подсознательно поежилась. — А, мистер Дункан спускается!

— Дядя Дункан! — Нина мгновенно встала и почти бегом направилась к спускающейся по лестнице фигуре. — Ты... закончил со своими делами?

— Еще нет, — сказал Дункан, небрежно потрепав Нину по волосам, затем повернул голову и посмотрел на прилавок, где все еще сидел Моррис, но его лицо выглядело немного лучше. Дункан кивнул ему. — Я вернул ее.

— Я почувствовал, — тут же сказал Моррис. — Не знаю, как вы это сделали, но... большое спасибо, что вмешались.

— Это только начало, рановато говорить спасибо, — сказал Дункан, поворачивая голову, чтобы посмотреть в окно. — Заговор сорван, но они начали раньше времени и атакуют ту сторону занавеса... Скоро они придут.

Моррис выглядел обеспокоенным, а Нина в замешательстве смотрела на Дункана.

— Дядя, кто такие они? Ты сказал...

— Нина. — Дункан, однако, сразу прервал ее. Он повернул голову и с серьезностью в чертах лица, которую Нина никогда не видела раньше, спросил: — Ты веришь мне?

Нина, не колеблясь, ответила:

— Верю.

— Хорошо, тогда верь, что эта буря закончится спокойно, и, что бы ни случилось, не паникуй, и, что бы я ни делал, не бойся, — серьезно сказал Дункан, глядя в глаза Нине, а затем поднял руку, указывая на Элис, которая молча стояла у лестницы. — Ты можешь доверять Элис. Если

случится что-то плохое, она тебя защитит.

Нина безучастно кивнула, а Элис тут же заявила:

— Пожалуйста, не волнуйтесь, мистер Дункан, я защищу мисс Нину.

— Я не очень уверен в твоих боевых качествах. — Дункан взглянул на Элис, а затем беспомощно вздохнул. — Но больше мне некому доверять.

Внезапно прогремел еще один раскат грома, и на дальней улице раздался громкий треск, сопровождаемый пронзительным звоном тревоги.

Свет в антикварном магазине вдруг несколько раз мигнул, а затем погас.

Электричество отключилось.

Темнота мгновенно окутала весь район, и казалось, весь весь город-государство.

В темноте откуда-то издалека донесся голос Ширли:

— Я зажгу масляную лампу! Я знаю, где они стоят.

Дункан задумался, но вдруг почувствовал, как Нина схватила его за руки.

От ее рук исходило тепло.

— Дядя... — нервно прошептала она, и вскоре даже ее дыхание стало обжигать. — Мне... жарко...

Взгляд Дункана стал серьезным.

Но, кроме серьезности, в нем не мелькнуло ни капли паники.

С самого начала он был готов к неожиданной ситуации, которая может возникнуть с Ниной.

Он осторожно взял ее горячую руку, и между его ладонью и пальцами Нины запрыгали изумрудные искры.

Послышалось хлопанье крыльев — голубь Ай спустился по лестнице и неуверенно опустился на

прилавок.

Ширли зажгла масляную лампу, и колеблющееся пламя на время разогнало тьму в магазине, но снаружи, на улице, небо было черным, как чернила, а свет и силу, даруемую солнцем, полностью заблокировала буря.

— Нина, помнишь, что я тебе говорил?

В темноте до Нины донесся голос Дункана.

Нина осторожно кивнула.

— Гм.

— Не бойся, позже произойдет нечто... потрясающее, — тихо сказал Дункан и улыбнулся.

Уголком глаза он поглядел вдаль.

За окнами, на улице, где шел проливной ливень, капли дождя постепенно окрашивались слоем малинового цвета, словно являя отражение, спроецированное из другого времени и пространства в реальный мир.

Но он не смотрел ни на дождь, ни на «отражение», проецируемое через занавес.

Его взгляд устремился за пределы высоких и низких зданий Пранда и побережья, он смотрел в сторону бескрайнего моря.

В его зрачках постепенно вырисовывался иллюзорный силуэт «Затерянного Дома».

Хайди непроизвольно съежилась от грома, как только он прогремел.

Она присела на скамью в главном зале Собора, ее руки подсознательно сжимали хрустальный кулон. Она тихо произносила святое имя Рама, Бога Мудрости, но на середине благословения остановилась и посмотрела на священную статую Богини Бурь неподалеку.

— Милосердная Богиня... не будет возражать, — пробормотала она, а затем продолжила произносить имя Рама.

Но вдруг она остановилась: учащенное сердцебиение мешало ее сосредоточиться.

Хайди поднялась со скамьи и оглянулась по сторонам.

Она увидела, что у главного входа собрались стражники, на скамьях перед статуей расположилась небольшая группа мирных жителей, пришедших в Собор в поисках убежища, потому что возвращаться в свои дома было уже поздно. По главному залу ходило несколько священников, а епископ Валентин с длинным посохом в руке молча стоял перед статуей, его взгляд был устремлен прямо на нее.

Все как обычно, но... откуда взялось это щемящее чувство в груди? — подумала Хайди.

Неосознанно ей показалось, что хрустальный кулон на шее обжигает кожу, но Хайди это не волновало, она подсознательно подошла к окну неподалеку и посмотрела на обстановку на площади сквозь прозрачное стекло.

Глаза молодого психиатра внезапно округлились.

— Пламя... пламя! — с ужасом воскликнула она. — Дождь превратился в пламя!

<http://tl.rulate.ru/book/76198/3650880>